

Научная статья

<https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-4-145-151>

EDN: <https://elibrary.ru/ozhqoz>

МОРОЗОВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ¹

кандидат юридических наук, доцент

morozovlalex@yandex.ru

КРАСИЛЬНИКОВА МАРИНА СЕРГЕЕВНА²

кандидат юридических наук

krasilnik80@yandex.ru

^{1, 2} Кузбасский институт ФСИН России

(Новокузнецк, Россия)

ШИНЯЕВ КЛИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат юридических наук

Университет ФСИН России

(Санкт-Петербург, Россия)

shinyaev.k.a@fsin.gov.ru

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ АУЕ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ КРИМИНАЛЬНОЙ ЗАРАЖЕННОСТИ

Аннотация. Целью исследования является изучение динамики восприятия и развития норм экстремистской субкультуры у участников международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (далее – МОД АУЕ). Предмет исследования – правила поведения в криминальной среде, криминологические признаки участника МОД АУЕ. В процессе исследования использовались хронологический, формально-юридический методы, метод анализа, синтеза и метод дедукции. В результате исследования установлены доманифестационный, манифестационный и пенитенциарный этапы приобретения криминальной зараженности и развития криминальной зараженности личности участников экстремистских ячеек МОД АУЕ. При исследовании каждого из этапов выделены присущие им криминологические характеристики личности участников, исследованы правила их поведения, происходящие изменения во внешности и поведении.

Ключевые слова: экстремизм, криминальная субкультура, преступность несовершеннолетних, АУЕ, организованная преступность, преступное сообщество, преступная организация

Для цитирования: Морозов А.С., Красильникова М.С., Шиняев К.А. Правила поведения участников международного общественного движения АУЕ на различных этапах зараженности // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 4 (76). С. 145–151; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-4-145-151>.

MOROZOV ALEXEY S.¹

PhD of Law, Associate Professor

KRASILNIKOVA MARINA S.²

PhD of Law

^{1, 2} Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

(Novokuznetsk, Russia)

SHINYAEV KLIM A.

PhD of Law

Russian Federal Penitentiary Service University

(Saint Petersburg, Russia)

RULES OF CONDUCT FOR PARTICIPANTS INTERNATIONAL PUBLIC MOVEMENT AYE AT VARIOUS STAGES OF CRIMINAL INFECTION

Abstract. *The purpose of the study is to study the dynamics of perception and development of norms of extremist subculture among MOD AYE participants. The subject of the study is the rules of behavior in a criminal environment, criminological characteristics of a MOD AYE participant. The research used chronological, formal legal methods, the method of analysis, synthesis and the method of deduction. As a result of the study, the pre-demonstration, demonstration and penitentiary stages of the acquisition of criminal infection and the development of criminal infection of the personality of the participants of extremist cells of the MOD were established. In the study of each of the stages, the criminological characteristics of the participants' personalities inherent in them were identified, the rules of their behavior, the changes in appearance and behavior were investigated.*

Keywords: *extremism, criminal subculture, juvenile delinquency, AYE, organized crime, criminal community, criminal organization*

For citation: *Morozov A.S., Krasilnikova M.S., Shinyaev K.A. Rules of conduct for participants International public movement AYE at various stages of criminal infection // Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia. 2025. № 4 (76). P. 145–151; <https://doi.org/10.29039/2312-7937-2025-4-145-151>.*

Нормы поведения в криминальной среде в России исторически лежали вне сферы правового регулирования, имели не юридический, а криминологический характер. Нормативно-правовое закрепление общественных отношений в преступной сфере берет начало с 2009 года, когда Федеральным законом от 03.11.2009 № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» впервые введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в качестве квалифицирующего признака ч. 4 ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». При этом уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии уголовным законом не предусматривалась, а была введена лишь в 2019 году в результате принятия 01.04.2019 Федерального закона № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», дополнившего уголовное законодательство России ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», предусматривающей уголовную ответственность в отношении «воров в законе», «положенцев», «смотрящих» и прочих лидеров уголовно-преступной среды.

Одним из последних этапов правового регулирования социальных отношений

в преступной среде стало признание международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (МОД АУЕ) запрещенным в Российской Федерации на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514С и внесение Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под номером 78.

Предпринимаемые государством меры по противодействию распространению криминальной идеологии свидетельствуют о высокой степени актуальности данной проблемы, значимости профилактики замещения правовых ценностей ценностями противоправными.

В правовой доктрине получило распространение понимание МОД АУЕ как молодежной организации, а отдельными авторами оно прямо именуется «молодежное общественное движение АУЕ». В основе такого суждения лежат криминологические сведения о направленности деятельности данной организации преимущественно в отношении лиц несовершеннолетнего возраста. Парадокс состоит в том, что лица, вовлеченные в деятельность экстремистской организации, одновременно являются потерпевшими от совершения в отношении них преступления, предусмотрен-

ного п. 1.1 ч. 1 ст. 282.1 УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», и автоматически – субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.1 УК РФ «Участие в экстремистском сообществе». Другими словами, несовершеннолетний или иное лицо, вовлеченное в деятельность экстремистской организации, является одновременно и объектом, и субъектом преступления экстремистской направленности. Обращает на себя внимание тот факт, что субъект преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ, является общим: уголовная ответственность по ст. 282.1 наступает с 16, а не с 14 лет, что, безусловно, не исключает несовершеннолетних из числа потенциальных субъектов данного преступления, но сужает их круг до лиц, достигших 16-летнего возраста, что косвенно может свидетельствовать о том, что законодатель не воспринимает участников МОД АУЕ в качестве исключительно несовершеннолетних.

Галахов С.С. определяет МОД АУЕ как неформальное объединение (сообщество), участники которого пропагандируют тюремный закон и криминальный образ жизни, подражают традициям и обычаям криминальной среды, используют их в своей повседневной деятельности, под физическим, психологическим и материальным воздействием принуждают иных лиц к одобрению и выполнению чуждых данным лицам криминальных субкультурных требований, к совершению преступлений и иных правонарушений. По некоторым признакам МОД АУЕ автор относит к деструктивной секте, использующей манипулятивные приемы в целях физической, психологической и финансовой эксплуатации своих членов: данная организация в большой степени контролирует мысли, поведение и эмоции каждого члена, посредством психологического воздействия из каждого завербованного способна сделать послушного, лояльного раба, готового отдать все, в том числе свою жизнь, ради признания в качестве «своего» [1, с. 82–84].

Агарков А.В., являясь одним из виднейших ученых-пенитенциаристов, занимающихся вопросами криминальной субкультуры, оперативно-розыскного противодействия лидерам уголовно-преступной среды, справедливо отмечает, что МОД АУЕ представляет собой децентрализованную организацию, состоящую из множества взаимо-

связанных групп (ячеек), участники которых объединены общими целями обеспечения своей жизнедеятельности путем ведения противоправной деятельности, следования экстремистской идеологии, основанной на правовом нигилизме, допустимости и желательности противоправного поведения, ненависти и вражды к представителям органов государственной власти и гражданам, не разделяющим данные воззрения [2, с. 82].

Субкультурные нормы поведения в криминальной среде, традиции, обычаи преступного мира, психолого-криминологические характеристики участников МОД АУЕ во многом зависят от степени вовлеченности лица в деятельность данной организации, стадии его криминальной зараженности. Несмотря на то, что колыбелью формирования криминально-субкультурных норм поведения являются пенитенциарные учреждения, первоначальное ознакомление с нормами поведения в преступной среде и выбор соответствующей модели поведения нередко происходят за пределами мест изоляции от общества. В этой связи с достаточной степенью условности этапы становления личности участников МОД АУЕ можно классифицировать на внепенитенциарный (допенитенциарный) и пенитенциарный. Внепенитенциарный этап, в свою очередь, связан со стадиями: 1) вовлечения лица в деятельность экстремистского сообщества; 2) участия в экстремистском сообществе. Пенитенциарный этап является логическим продолжением первых двух и выражается в криминальной «профессионализации» личности в местах лишения свободы: закреплении ранее полученных знаний умений и навыков, формировании преступных компетенций.

Внепенитенциарный этап развития личности представителя экстремистской организации в целом и участника МОД АУЕ в частности был исследован В.В. Орловым в рамках масштабного психолого-социологического исследования, направленного на установление изменений в поведении лиц, вовлеченных в деятельность экстремистского сообщества. При проведении данного исследования осуществлялись беседы и наблюдение за поведением 270 лиц, разделяющих националистические взгляды, идеологию радикального ислама и пропагандирующих криминально-субкультурные нормы поведения. Автором выделялись доманифестационный период,

связанный с внутренним принятием экстремистских взглядов (уяснение квазинормативных социальных регуляторов) и манифестационный период, выражающийся в их активной пропаганде (разъяснение квазинормативных социальных регуляторов). Продолжительность перехода от первого этапа ко второму зависит как от личностных морально-психологических качеств личности, так и от условий внешней среды. В рамках данного этапа происходят первоначальные, пока еще обратимые изменения в поведении новообращенного (неофита). Независимо от того, что послужило почвой для развития экстремистской идеологии (чувство патриотизма, религиозные воззрения или правила поведения осужденных в местах лишения свободы), у каждого неофита выделяются следующие характерные признаки [3, с. 110]:

1. Изменение круга общения – реже происходят контакты со старыми друзьями, они реже упоминаются в разговорах; о новых друзьях неофит рассказывает неохотно, нередко не знает даже их имен; уходит от вопросов о том, чем занимается новая компания; в новом окружении большое количество лиц из другой возрастной группы.

2. Изменения в поведении – увеличивается продолжительность нахождения вне дома, образовательного учреждения или работы; может начать читать, резко сократить время пребывания в Интернете, заняться спортом, начать курить или, напротив, бросить, если курил ранее; может приобрести одежду определенного стиля или производителя, которой раньше не интересовался; изменить музыкальные пристрастия.

3. Изменения в общении – теряет интерес к ранее интересовавшим темам; в речи появляются новые слова и выражения; высказывает свежие, но явно заимствованные мысли; на критику новых идей реагирует крайне болезненно.

4. Внешние изменения – в гардеробе появляются вещи и атрибуты, характерные для данной субкультуры, хотя для завершения формирования соответствующего образа еще далеко; к нанесению себе тематических татуировок еще не готов, но активно украшает символикой движения обложки тетрадей и учебников, линейки, пеналы, может что-то нарисовать или написать на руке; начинает подражать старшим членам движения.

5. Окончание доманифестационного периода знаменуется тем, что персистирующие в сознании неофита идеи получают внешнее оформление, поскольку экстремизм «выражает специфическую идентичность определенных групп людей, которые находятся в ситуации открытого несогласия с нормами и ценностями доминирующей культуры. Подобная идентичность обнаруживает себя различными путями: вызывающим жизненным стилем, отличающейся одеждой, жаргоном и т.п.

Манифестационный период участников МОД АУЕ характеризуется закреплением и развитием указанных выше признаков и сопровождается следующими внешними проявлениями [3, с. 112–119; 4, с. 100–101; 5, с. 63]:

1) короткая прическа, но волосы полностью не удаляются, чтобы тюремному парикмахеру было что состричь (установка «там обреют»);

2) основным атрибутом одежды являются: спортивный костюм («пацанских» цветов – синий, черный, реже коричневый), кроссовки (преимущественно производства «Адидас», но чаще более дешевые подделки под «Адидас»); кожаные куртки темных цветов; головной убор – кепка или вязаная шапка (носится надвинутой на глаза);

3) наличие татуировок на открытых частях тела (кистях рук), как правило, связанных с аббревиатурами: «АУЕ», «СПОН», «АСАВ», «ЛХВС». При этом «взрослые» татуировки не характерны, так как считаются знаком доблести, который надо заслужить – существует мнение, что за незаслуженную татуировку «на зоне» осуществляется «спрос»;

4) факультативные атрибуты: фиксы, «воровские четки»; массивные золотые (чаще «под золото») перстни («гайки») и нашейные цепи («голды»);

5) резкое сужение круга интересов, сокращение круга общения до пределов ячейки, при этом адепт может не знать имен новых «друзей», называя их только по кличкам («погонялам»); пониженная эмоциональная идентификация члена группы с группой в целом;

6) грубый, агрессивный стиль общения, речь изобилует жаргонизмами и стандартными тюремными афоризмами (типа «кто не был – тот будет, кто был – не забудет»), при разговоре активно используются жестуляция («распальцовка»), сплевывание, «цыканье зубом»;

7) отношение к здоровью парадоксальное – может одновременно начать «качаться» и курить; отношение к алкоголю и курению положительное, их употребление воспринимается как доказательство взрослости и пригодности состоять в движении; картежные игры и алкоголизм выступают средствами сплочения преступной группы; распространено употребление наркотиков (гашиш, синтетические наркотики); посредничество в покупке наркотиков;

8) отношение к женскому полу показательно пренебрежительное, подчеркнуто-потребительское, но при этом девушки в движении присутствуют («жучки» и «ждули»);

9) к музыкальным предпочтениям относится тюремно-воровская разновидность шансона («блатота»);

10) личностными ориентирами, образцами для подражания выступают «воры в законе»;

11) высокая склонность к насилию: насилие в движении поощряется, так как используется для сбора «грева» и вовлечения лица в противоправную деятельность с целью дальнейшего им манипулирования; жестокость по отношению к более слабым, отсутствие чувства сострадания;

12) вымогательство у лиц, стоящих на низших ступенях групповой иерархии. У новых участников может наблюдаться изменение финансового положения: обнаруживаться суммы денег, происхождение которых он объяснить не может, заявляет, что это не его деньги;

13) паразитизм и тунеядство;

14) родственными группировками (симбиотами) выступают «анархисты», на почве неприятия официальных «властей», системные антагонисты отсутствуют;

15) отношение к представителям правоохранительных органов крайне негативное: полный отказ от сотрудничества («отрицало») по любым вопросам;

16) поведение при задержании агрессивное, с ярко выраженным демонстрационным компонентом;

17) наиболее распространенными ритуалами в данной субкультуре являются: коллективное нанесение татуировок; спор на выносливость, например держание рук над зажженными свечами; «варка», или «ровное стояние», – нанесение удара по надутой щеке с целью искупления какого-либо незначительного проступка; использование друга («близкого») в качестве заместителя при силовом разрешении

конфликтов или споров; сбор «грева» для заключенных; наличие прозвища; обряд «опускания»;

18) к числу субкультурных навыков участников группировок АУЕ относятся: умение говорить на воровском жаргоне («ла-лакать по фене»); умение побеждать («вывозить») в споре; участие в драках («выход раз на раз»); знание оснований разрешения споров; знание местных криминальных авторитетов; знание истории и традиций криминального сообщества;

19) факторами, повышающими авторитет участника группировки АУЕ, являются: победа в драке; совершение краж у лиц, не принадлежащих к субкультуре; умение силовым или мирным способом решать конфликты;

20) факторами, приводящими к потере авторитета участника группировки АУЕ, являются: извинение на камеру; признание своей неправоты; прощение обиды; воровство у своих («крысятничество»).

Характеристика участников МОД АУЕ в пенитенциарных учреждениях отличается более глубокой степенью деформированности, деструктивности, антисоциальной направленности их взглядов и поступков. При исследовании данного этапа А.В. Агарковым, Д.Ю. Степановой и В.Г. Шакуриной были установлены следующие признаки ячеек экстремистской организации МОД АУЕ, функционирующих на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов [2, с. 82; 6, с. 185; 7, с. 153]:

1. Стратификация (иерархическое деление группы на социальные роли: куратор – старший – рядовой участник); высокая степень консолидации участников ячейки, обусловленная наличием внутрigrупповой иерархии, распределением социальных ролей и функций.

2. Наличие у лидера ячейки особого неформального социального статуса в уголовно-преступной среде («вора в законе», «смотрящего», «положенца» и др.), обуславливающего занятие им высокого устойчивого привилегированного (но не всегда высшего) положения в преступной (тюремной, криминальной) иерархии, выступает факультативным признаком, так как в некоторых случаях явно выраженного лидера нет, а действия ячейки планируются и реализуются группой лиц, занимающих привилегированное положение в криминальной иерархии («бродягами», «аре-

стантами» и др.). На жаргоне криминального мира подобная ситуация носит название «лагерь на братве».

3. Сбор денежных средств в так называемый «общак»; негативное отношение к любому труду; возможность быстрого обогащения за счет преступной деятельности; финансирование деятельности экстремистской организации МОД АУЕ осуществляется за счет участников: лидеры уголовно-преступной среды и другие неустановленные лица регулярно (не реже одного раза в месяц) осуществляют незаконный сбор денежных средств на подконтрольные банковские счета с лиц, содержащихся под стражей, в том числе под угрозой применения насилия (в пенитенциарных учреждениях – в натуре в виде денежных средств, наркотиков, сигарет и других запрещенных или разрешенных предметов); распределение средств «общака» между нуждающимися представителями преступного сообщества.

4. Организация и проведение на территории пенитенциарного учреждения азартных игр с последующим направлением части вырученных денежных средств в «общак», разъяснение важности и необходимости этих мероприятий.

5. Приверженность участников ячейки экстремистской организации МОД АУЕ неформальным нормам – воровскому укладу, выражающаяся в воспроизведении и насаждении ими криминальных правил и традиций (так называемых понятий) в местах принудительной изоляции от общества, осуществлении контроля за их соблюдением подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, а также в применении мер воздействия к нарушителям неформальных предписаний и запретов. Доведение до заключенных путем проведения бесед идеологии и основных традиций МОД АУЕ, обоснование необходимости следовать данным нормам, контроль за их исполнением и применение к лицам, нарушившим криминальные установки, мер ответственности различного характера.

6. Участие в поддержании функционирования несанкционированных администрацией исправительных учреждений каналов связи между осужденными, а также связи лиц, содержащихся в исправительном учреждении с лицами, находящимися за его пределами, направленных на функционирование деятельности МОД АУЕ, в том числе путем составления и исполь-

зования особой документации (нелегальной корреспонденции) и проведения собраний («сходок»).

7. Совместное совершение противоправных действий участниками ячейки экстремистской организации МОД АУЕ; культ насилия и проявление агрессии (в том числе к представителям власти и желающим выйти из движения), как правило, в групповых действиях; взаимопомощь при групповых нападениях на сотрудников правоохранительных органов. Призывы других осужденных к противостоянию сотрудникам ФСИН и их законным действиям, к массовым беспорядкам, неповиновению, отказу от приема пищи, организации бунтов, уничтожению и повреждению имущества исправительных учреждений и иным нарушениям правил внутреннего распорядка, непосредственная реализация этих действий. Возбуждение вражды и ненависти по отношению к заключенным, сотрудничающим с администрацией учреждения УИС.

8. Наличие коммуникативной атрибутики в виде приветствий «Ауе!», «Ауе! Жизнь ворам!», «Фарту масти!», «Жизнь ворам – смерть мусорам!», «АУЕ! Ворам свободу!»; жаргона («арго», «феня», «блатная музыка»); кличек, прозвищ («людских имен») для идентификации участников ячейки экстремистской организации МОД АУЕ.

9. Изготовление, использование, хранение, распространение АУЕ-символики и АУЕ-атрибутики: перманентные рисунки (татуировки) в виде восьмиконечной звезды, нанесенные, как правило, на плечи, правую кисть руки и колени; татуировка в виде гусарского погона (эполета) и головы тигра; перстовые татуировки с надписями «АУЕ», «ЛХВС». Кроме того, участники группы наносят символику на предметы быта, мебель, постельные принадлежности, стены помещений, бумагу. Характеризуя последний показатель, необходимо отметить, что непосредственно МОД АУЕ имеет свою символику в виде восьмиконечной звезды с черно-белыми лучами и эполетом с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой. Таким образом, относиться непосредственно к символике движения МОД АУЕ иные характерные для криминальной среды символы представляется неверным: такие признаки могут свидетельствовать лишь о принадлежности лица к криминальной субкультуре, но не к ее экстремистской составляющей в виде МОД АУЕ.

Рассмотренные признаки, безусловно, не являются исчерпывающими. Точная количественно-качественная характеристика норм поведения в криминальной среде МОД АУЕ во многом зависит от исторического периода оценки таких норм (1990-е и современный этап значительно отличаются), территориального нахождения отдельно взятой ячейки МОД АУЕ, состава ее

участников и их индивидуальных особенностей, степени влияния общественных институтов по профилактике данного негативного явления. Таким образом, представленная характеристика правил поведения в среде участников МОД АУЕ и в дальнейшем будет претерпевать значительные изменения наряду с изменениями, происходящими в обществе и государстве.

Список источников

1. Галахов С.С. «Арестантское уголовное единство» – проблемы и практика организации оперативно-розыскного противодействия // Научный портал МВД России. 2021. № 1 (53).
2. Агарков А.В. Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16. № 1 (57).
3. Орлов В.В. Специфика внешних проявлений склонности к вступлению в экстремистское сообщество // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2024.
4. Самойлов С.Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 2 (44).
5. Рядчикова Е.Н., Белан Е.А. Признаки субкультурной принадлежности к преступной организации «АУЕ» (из практики проведения психолого-лингвистических экспертиз) // Судебная экспертиза Беларуси. 2024. № 1 (18).
6. Степанова Д.Ю. Социально-психологический портрет участника экстремистской организации «АУЕ», представляющего оперативный интерес в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. 2021.
7. Шакурина В.Г. Анализ судебной практики по привлечению к уголовной ответственности лиц за участие в деятельности экстремистского международного общественного движения «АУЕ» (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ): уголовно-правовые и криминологические аспекты // Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению: материалы Всероссийской науч.-практ. конф. – М., 2024.

Информация об авторах:

Морозов Алексей Сергеевич,
доцент кафедры
организации режима;

Красильникова Марина Сергеевна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин;

Шиняев Клим Александрович,
доцент кафедры организации режима

About the authors:

Morozov Alexey S.,
associate professor of the Department
of regime organization;

Krasilnikova Marina S.,
associate professor Department of criminal law;

Shinyaev Klim A.,
associate professor Department of security

Сведения о вкладе каждого автора

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2025